

Московский Новосерч
w45-6/x1-832

ИСКУССТВО

М ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Евгений ЛЕБЕДЕВ:

Вечный ученик жизни

«Звездой первой величины» одного из ведущих советских сценических коллективов – Ленинградского Большого драматического театра без преувеличения можно назвать народного артиста СССР Евгения Лебедева.

Без него не могли бы родиться и жить на этой сцене «Мещане» Горького – спектакль, признанный не только советскими зрителями, но и за рубежом, «История лошади» («Холстомер») по Льву Толстому, где он создает неслыханно дерзкий для сценического воплощения образ.

Евгений Лебедев – актер уникальный. Предельная выразительность, точность слова, интонации, позы, взгляда, соединенные с фантастической наблюдательностью, умением проникать в сущность человека, его внутренний мир, дают удивительные результаты.

– Ваш театр отличает приверженность к классике. Что вам как актеру дает работа с такой литературой?

– Великая литература во многом «питает» артиста. Например, играя Рогожина в «Идиоте» Достоевского, я десять лет занимался изучением творчества писателя, и это для меня была настоящая школа человеческого опыта. Необычайный мир открыл для меня Горький – 15 лет я работал над «Мещанами», уже 7 лет «со мной» Лев Толстой. Долгое время я работаю над образом короля Лира, думаю о нем постоянно.

Так складываются, оттачиваются, развиваются образы моих героев, так я приближаюсь к постижению их характеров, к познанию человека вообще.

– Расскажите о вашей последней работе над классическим материалом – чеховском «Серебрякове и «Дяде Ване».

– Я стремился показать Серебрякова неоднозначным. Мне хотелось, чтобы мой отставной профессор был не только смешон и надоедлив, но и вызывал самые разнообразные чувства, вплоть до жалости, любви. Ведь по сути он добрый и несчастный человек, в нем нет жестокости, для него она – в других, когда он постарел, стал лишним, никому не нужным, поэтому так сильно его желание вызвать сочувствие, сострадание.

– Как вы сохраняете «живой» роль в спектаклях, которые идут уже 10–15 лет?

– Мой внутренний монолог на каждом спектакле разный, он зависит и от партнеров, и от токов зрительного зала, и от моих собственных ассоциаций, возникающих по ходу действия. Когда есть новая оценка – на каждом спектакле иная, то интереснее строится конфликт. В спектаклях нашего театра всегда предполагается импровизация, не бывает раз навсегда заданного. Для меня лично спектакль – живой, чуткий организм, он всегда разный...

– Как, на ваш взгляд, должны складываться отношения актера и режиссера в работе над спектаклем?

– Они должны не просто понимать друг друга – в процессе работы над постановкой они должны стать близкими по духу людьми. У них могут быть творческие разночтения, даже ссоры, но в основном они должны быть солидарны – в выражении основной идеи спектакля.

У нас в театре преобладает тип артиста – сотворца спектакля. Способ работы над пьесой особый: импровизация здесь обязательна, но не вообще, а по существу, на данную тему. Именно импровизация помогает не заштамповывать раз найденные взаимоотношения. Кроме того, она создает творческую раскрепощенность.

– Каким должен быть, по вашему мнению, современный актер?

– Я для себя различаю два понятия – актер и артист, хотя в нашей речи они стали синонимами. Для меня существует четкая разница: актер – это исполнитель чужой роли, артист же – сотворец, исследователь, который вкладывает в пьесу собственное «я». А для этого надо уметь читать жизнь, учиться ее анализировать... Жизнь – лучшая школа для художника, и настоящий артист – вечный ее ученик.

Интервью взяла
Ирина МОЛЧАНОВА.

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА.